

Завант Коннигер. Неоконченное / The Incomplete Zavant Konniger (сборник)



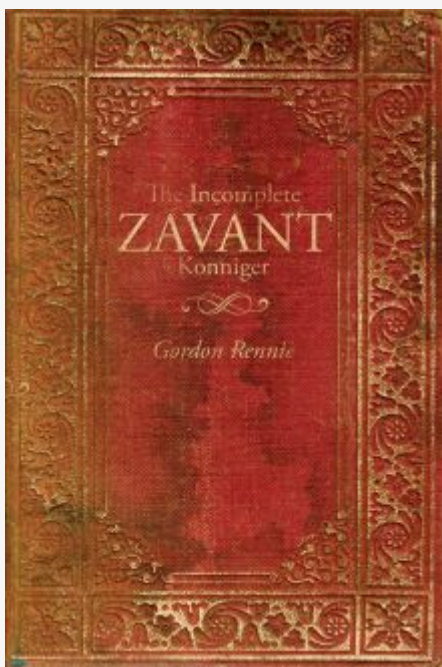
Этот перевод заброшен

Переводчик оставил этот перевод незавершённым.
Вопросы по переводу можно задать в [Telegram-канале Warpfrog](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

*Завант Коннигер. Неоконченное /
The Incomplete Zavant Konniger
(сборник)*



Автор [Гордон Ренни / Gordon Rennie](#)

Переводчик [соц,](#)
[AN_XI](#)

Издательство [Black Library](#)

Год издания [2011](#)

Подписаться на обновления [Telegram-канал](#)

Обсудить [Telegram-чат](#)

Скачать [EPUB](#), [FB2](#), [MOBI](#)

Поддержать проект

Аннотация: «Завант Коннигер. Неоконченное» представляет собой обновленную версию сборника «Завант» 2003 года.

Помимо массы исправленных неточностей и опечаток это Print-on-Demand издание в дополнение к четырем захватывающим историям о знаменитом альтдорфском сыщике и его верном помощнике предлагает читателю еще одну.

□

Содержание

Введение

Древние тайны

Кровавая луна над Альтдорфом

The Politics of Shadow or The Case of the Tilean Widow

The Horror at Alt Krantzstein or The Case of the Twisted Man

Epilogue

The Reikerbahn Butcher or The Case of the Scarlett Cell

Введение

ВВЕДЕНИЕ

или краткое изложение значительных и досадных заблуждений, а также вымыслов, касающихся подвигов и доброго имени объекта сей биографии, в осмыслении вашего покорного слуги.

При любом сколь-нибудь стоящем обсуждении, касающемся постижения знаний запретных и еретических, ни один из тех, кто по-настоящему погружен в изучение этой области, не преминет рано или поздно упомянуть работы Заванта Коннигера, прославленного и самобытного альтдорфского «сыщика-мудреца». И пусть многие (в особенности из числа духовенства Церкви Зигмара и членов альтдорфских Колледжей Магии) всерьез ставят под сомнение некоторые из наиболее спорных его теорий и открытий, не может быть никаких разногласий в том, что такие тексты, как *«Принципия Хаотика: Трактат о Темных силах»*, а также *«Прямиком из Аравии: Одно из самых опасных полевых исследований городов-гробниц Кхемри»* по-прежнему входят в ряд самых обстоятельных и авторитетных отчетов, имеющих у нас, касательно природы и обычаев некоторых из наиболее ужасных и опасных врагов человечества.

Учитывая всю сумму знаний, которую собрал Коннигер, и то, какой вклад внесли его исследования в работу всех будущих борцов с силами тайными и зловещими, весьма прискорбно, что о нем самом известно крайне мало. Имя его, конечно, помнят повсюду в Старом свете, но очень часто детали воспоминаний об этом человеке и его подвигах бывают путаны и отрывочны. Что и говорить, в некоторых отдаленных провинциях Империи, а также за ее пределами, в массе своей считают, что истории о легендарном сыщике-мудреце чистой воды выдумка!

К сожалению, некоторые недобросовестные биографы Коннигера своими работами подложили свинью всем, кто решится впоследствии взяться за серьезные научные изыскания, касающиеся жизни и подвигов этого человека. Посему, принимаясь за этот объемный труд должно сначала основательно поработать над тем, чтобы отделить правду от вымысла. Почти точно можно утверждать, что истории о противостоянии Коннигера с таким злодеем, как Маннфред фон Карштайн, и о поимке Жака-прыгуна, известного неуловимого убийцы (однако, как доказали мои исследования, абсолютно выдуманного), промышлявшего в закоулках Гизорё, можно смело отнести к застольным байкам, в которые могут

поверить лишь пропойцы и простофили.

Но, в таком случае, что мы можем сказать о прочих рассказах о Коннигере и его деяниях? Действительно ли он путешествовал по Стране мертвых и изучал мрачные тайны тамошних городов-гробниц, как он сам пишет в экспедиционном отчете?

А его записи о вылазках в Подземную империю? По сей день видные фигуры в столь узких областях знаний жарко спорят о существовании этих злобных крысоподобных существ, коих в определенных кругах именуют «скавенами». И как быть с фрагментами карт (начерченных и подписанных, по всей видимости, его собственной, легко узнаваемой рукой), открывающих, что землю под нашей возлюбленной Империей пронизывает обширный и совершенно неисследованный лабиринт тоннелей и подземных ходов? Мог ли Коннигер спуститься туда и частично нанести на карту то место, которое он назвал «Подземной империей», дав этому выражению ход среди тех из нас, кто вовлечен в изучение этих тайных знаний? Некоторые ученые отвергают теорию Коннигера о Подземной империи и полагают ее очередным свидетельством того, что с приходом старости он впал в некую форму медленно развивающегося безумия, вызванного (как утверждают некоторые из его многочисленных критиков, в особенности, те, что принадлежат лону Святой церкви) опрометчивыми и еретическими сношениями с Темными силами. Впрочем, возможно, что такие заявления возникают из страха и упрямого невежества, порожденного сопротивлением тому неудобному и неприятному факту, что этот мир и наше в нем место может быть куда опаснее, нежели мы того желаем.

С другой стороны, как биограф, я к собственному удовольствию положил себе развеять некоторые из популярных заблуждений об этом человеке: не только вульгарные выдумки из «Частной жизни великого альтдорфского сыщика и мудреца, в подробном изложении его верного слуги и соратника» (безвкусная книжонка, выпущенная в Моте, и, чем меньше мы о ней упомянем, тем лучше), но и те полуправдивые истории, которые каким-то образом стали частью легенды о Коннигере. К примеру, некоторые утверждают, что он одно время странствовал с самым грозным гномом-убийцей Готреком Гурниссоном. Самые проникательные и мудрые из моих читателей, конечно, догадаются, что в этих легендах Коннигера путают с Феликсом Егером, никудышным молодым поэтом тогдашнего времени, который, как известно, довольно долго таскался за упомянутым троллеубийцей. Впрочем, стоит заметить, что за время продолжительных исследований, предшествовавших написанию данного труда, я наткнулся на любопытные сведения о том, что Коннигер, вероятно, в самом деле мог однажды встретиться с прославленным убийцей троллей и его спутником.

Увы, подлинность этого предполагаемого события еще предстоит со всей тщательностью установить, и посему прошу читателей моих набраться терпения и оказать мне снисхождение в надежде, что подробности этого увлекательного и доселе неизвестного происшествия могут стать частью повествования в одном из будущих томов.

О Коннигере ходит столько правд и полуправд, столько лжи и глупостей, что решить, чему именно верить, может быть весьма затруднительно. Гений или безумец? Еретик или величайший ум своей эпохи? Недалекий дилетант и простофиля или благородный муж и первый оплот человечества в борьбе с извечным врагом?

Истину, любезный читатель, обретишь на этих страницах...

— Доминик ван Грааль, *«Коннигер, альтдорфский человек-загадка»*

(«Нульн Университи Пресс», 2604 год от Коронации Зигмара)

Древние тайны

Древние тайны или Дело об аравийском экспонате

От автора: Как печально известно, любая работа по расположению историй о делах Заванта Коннигера в хронологическом порядке может оказаться в высшей степени изнурительной, и, следует отметить, что все благие начинания на этом поприще уже свели на нет напряженные усилия нескольких прежних его биографов. Впрочем, благодаря информации, обнародованной после открытия одной доселе засекреченной секции церковных архивов, а также нескольким ценнейшим страницам записей самого Коннигера, оказавшимся в моем распоряжении, я готов с уверенностью установить, что следующее дело было расследовано в период между уже известными и заслуженно знаменитыми событиями «Дела о жемчугах царицы» и не менее захватывающими происшествиями «Загадки норского пирата». Уверен, что те из читателей, кого интересуют натянутые отношения Коннигера с его бывшими братьями из Церкви Зигмара, откроют здесь для себя много нового.

— Заванта Коннигера! Срочное дело к Заванту Коннигеру. Скажи хозяину, что я желаю немедленно его видеть!

Полурослик по имени Видо поспешно отступил назад, и в переднюю без приглашения ввалился священник в шелковой рясе, вслед за которым в дом потянулись холодные щупальца альтдорфского речного тумана. Было уже поздно — Видо услышал, как где-то на улице одинокий ночной стражник объявил полночь — но в доме Заванта Коннигера, знаменитого городского мистика и мудреца неожиданные гости бывали часто.

И все же, за долгие годы службы Видо еще ни разу не видел, чтобы к ним пожаловал посланник самого верховного теогониста. Заметив, что гость явно не в своей тарелке, Видо едва не расплылся в довольной ухмылке.

«Дела у зигмаритов и впрямь плохи, раз им пришлось обратиться к одному из своих самых докучливых идейных противников!»

Решив разыграть сценку до конца, полурослик вычурно поклонился.

— Ваше имя, господин? Как вас представить герру Коннигеру?

— Фон Хельц, магистр-переписчик церковных архивов, — нетерпеливо отчеканил священник. — Да живее, полурослик, я здесь по срочному делу Церкви.

Оставив священника в передней, Видо с довольной улыбкой направился вверх по лестнице к кабинету хозяина. Внизу на самом видном месте висела особенно непристойная тильянская пастораль^[1] с резвящимися нимфами и сатирами. Коннигер специально повесил ее там, чтобы сбивать с толку посетителей. Не заметить картину священник не мог, и Видо воображал, как неловко было чопорному служителю Зигмара столкнуться со столь вульгарным образчиком типично тильянского декаданса.

Видо вежливо постучал по тяжелой двери из темного дерева, хотя и так знал, что его шаги услышали еще на лестнице. В свое время он был одним из самых ловких воров-карманников, но от внимания Коннигера мало что ускользало.

— Войди! — слышалось изнутри.

Видо знал, что хозяин не любит, когда его отвлекают в столь поздний час, и робко открыл дверь. Мудрец проводил вечера в кабинете, просиживая за исследованиями и составляя то, что станет, как он часто говорил, работой всей его жизни. Он называл ее «Теория Хаоса: Академическое исследование и изучение разнообразных проявлений ужасных Сил Хаоса».

Или «Куча мерзости, к которой лучше бы не прикасаться» как именовал ее Видо, вздрагивая каждый раз, припоминая иллюстрации из некоторых книг, которые Коннигер по рассеянности оставлял открытыми на столе. «И все же, — утешал себя полурослик, — если хозяин работает, значит, он хотя бы не набил снова свою трубку тем проклятым порошком...»

Даже для нечеловеческих, полуросликовских глаз комната была слишком тускло освещена, и он подивился, как хозяин умудряется работать в таких условиях. Сидящий за столом человек поднял глаза, и свет от единственной горящей в кабинете свечи отразился в них тусклым красноватым блеском.

«Трубка, — подумал Видо. — Старый черт опять курил трубку. Дождется однажды охотников на ведьм на нашу голову, и отговорки об «умственной опустошенности» и «расширении сознания» не уберегут нас от костра».

— Что? — спросил Завант. Голос его был сухим и пресным, как древние, изъеденные червями книги, которые лежали перед ним на столе.

— К вам посетитель, хозяин. Некий господин фон Хельц из церковных архивов. Требуется, чтобы вы срочно приняли его.

Брови хозяина удивленно изогнулись, и Видо понял, что его слова возымели должный эффект. После стольких лет службы легендарному Заванту Коннигеру было по-своему приятно хотя бы раз застать великого мудреца врасплох.

— Визит столь почтенного гостя — честь для нас, да еще какая. Скажи мне, Видо, какое впечатление произвел на тебя наш полуночный проситель?

Слуга медлил, мял руки, ощущая на, как в него ввертывается испытующий взгляд хозяина. «Наблюдение и дедукция — самые главные наши инструменты, — часто пытался поучать его Коннигер. — Факты только и ждут, что ты их установишь, если твои глаза и ум достаточно остры, чтобы их заметить». Как всегда, хозяин проверял его. Может, когда-то Видо и был уличным воришкой, сыном простого пивовара из Мота, но в свое время он научился у знаменитого сыщика паре-тройке трюков.

— Он точно жрец Зигмара, но ставлю кобылу своего папаша с повозкой в придачу, что он в жизни не прочел ни единой проповеди. Слишком молод, чтобы честно получить такую ученую степень, и, к тому же, явно не из жрецов-воинов. Его мягкие ручки вряд ли хоть раз поднимали боевой молот. Судя по имени, дворянчик. А скорее всего, дурачок младшенький какого-нибудь мелкого имперского придворного, которого лишили наследства и выперли в духовенство в надежде, что хотя бы там он не натворит дел.

Завант улыбнулся и удовлетворенно кивнул.

— В точку! Мальчик на побегушках, которого начальство прислало просить помощи у старого еретика и скандалиста Коннигера. Пригласи его, Видо. Пусть же этот посыльный предстанет перед нами!

Видо ухмыльнулся: «О, да, это ночное приключение точно придется хозяину по вкусу...»

Полурослик-слуга быстро убежал и вернулся вместе со священником. Видо с хозяином разыгрывали этот спектакль уже сотни раз, но, на любого, кто впервые встречал великого сыщика-мудреца, нужно было признать, он производил неизгладимое впечатление.

Коннигер обычно восседал за столом, не устаивая гостя взглядом. Он был высок и худощав, что говорило об образе жизни, связанном в большей мере с погоней за знаниями и просиживанием штанов за книгами. Видо не решался спрашивать, но полагал, что его хозяин давно перевалил за средний возраст. (Сам полурослик был почти вдвое старше, но в компании сыщика почему-то всегда умудрялся чувствовать себя младшим).

Седые, редящие волосы были стянуты на затылке в стиле, который можно было бы встретить у норского варвара, нежели у бывшего эмерит-профессора^[2] Альтдорфского университета. А его выдающийся лоб вкупе с гигантским орлиным носом, напоминал Видо эльфийских боевых ястребов из вольеров Имперского зоопарка. И глаза, разумеется. В них кипел горячий ум, который в поисках истины, казалось, отшелушивал и отбрасывал в сторону все несущественное.

Видо вежливо кашлянул, и Коннигер поднял глаза на звук, будто только сейчас заметил посетителей.

— Ах, любезный магистр фон Хельц. Прошу прощения, что заставил вас ждать, но меня отвлекла моя досадная забывчивость при составлении трактата о правлении Магнуса Благочестивого. Уверен, вы, как библиотекарь церковных архивов, конечно, можете подсказать мне правильный ответ. В каком году была принята его знаменитая Нульнская декларация?.. В 2306 или 2307?

— Что? Пожалуй, да... Я... Я полагаю, именно так, — пробормотал священник, явно не имея ни малейшего понятия, о чем говорит мудрец.

Стоящий за ним Видо старательно разглядывал свои волосатые, с толстыми ногтями пальцы на ногах, не решаясь поднять глаз, чтобы вдруг не разразиться смехом, глядя на выражение лица сбитого с толку жреца. А его хозяин, напротив, очень любил устраивать эти маленькие интеллектуальные игры, из которых неизменно выходил победителем (особенно против своих бывших братьев из Церкви Зигмара).

— Ну конечно! Как я мог забыть! — Коннигер улыбнулся, притворившись, что зачеркивает что-то в лежащей перед ним рукописи. — Куда нам без вящей мудрости хранителей Святых архивов? Право, мы могли бы проболтать о блаженном Магнусе всю ночь, но мой слуга сообщил, что вы по очень важному и официальному делу.

Услышав о своем задании, бывший аристократ вновь напустил на себя чванливый вид и дал рясе распахнуться, открыв висящую на шее должностную цепь, после чего стал как бы между прочим поигрывать ею так, чтобы золотой боевой молот поярче блестел в свете свечи.

— В самом деле, герр Коннигер. С сожалением сообщаю, что сегодня вечером в церковных архивах произошел... Инцидент... И главный архивист лично послал меня, чтобы призвать вас на помощь...

Завант внезапно подался вперед из кресла и поднял руку, оборвав жреца на полуслове.

— Инцидент? — резко спросил он. — Какой именно?

Под пронизательным взглядом мудреца фон Хельц замялся, опасаясь сболтнуть лишнее, и осторожно сказал:

— Проникновение в архивы и предполагаемое похищение экспонатов Аравийской коллекции.

Видо вспомнил, что последний запрос Коннигера на изучение аравийских артефактов был бесцеремонно отклонен главным архивистом и отметил, что выражение его лица слегка изменилось. Однако он ничего не сказал и дал фон Хельцу продолжить.

— Также имело место несколько смертей. Ожидается, что вы, как верный слуга Зигмара и бывший член духовенства, захотите сделать все возможное, чтобы помочь Церкви. Кроме того, Его Высокопреосвященство, главный архивист, дал понять, что за ваше содействие некие, гм, запрещенные книги, находящиеся в его личном ведении, станут доступны вам для изучения. И, разумеется, Церковь рассчитывает на вашу широко известную деликатность и стремительность в разрешении столь щекотливого вопроса.

«Ну да, — подумал Видо. — Неловко будет, если кто-нибудь сболтнет, что Церковь потеряла одно из сокровищ бретонских крестовых походов. Особенно, когда те были переданы в качестве жеста доброй воли, знаменующего недавно восстановленный союз императора Карла Франца и короля Луана Леонкёра. Но наживка знатная, надо отметить. Если чем и можно привлечь внимание Коннигера, так это старинными книгами и их скверным содержанием».

Коннигер тем временем поднялся и направился к двери. Не глядя, он потянулся за плащом, который Видо, как обычно, уже держал наготове.

— Довольно слов, любезный фон Хельц. Верный слуга Зигмара в вашем распоряжении! Полагаю, нас уже ждет экипаж. Остальные детали можете изложить по дороге к архивам.

Недовольно вздохнув, Видо поспешил за длинноногим хозяином вниз по лестнице. Он надеялся на поздний ужин в виде тушеной в эле говядины, которая поджидала его на кухне, но вместо этого нужно было идти черт знает куда посреди ночи, и Зигмар знает что случится, когда они туда доберутся.

«Стоило послушать старика, — в который уже раз подумал Видо. — Вместо того, чтобы сбегать в Альтдорф и становиться вором, остался бы в Моте да выучился пивоварению. Тогда не спутался бы с этими сумасшедшими мистиками и мудрецами, и их непонятными делами...»

Видо с кислой миной плелся вслед за Коннигером, они проходили по лабиринту коридоров и камер древнего архивного зала, расположенного глубоко под штабом Церкви Зигмара, который и сам по себе занимал целый квартал. В бытность свою вором он ограбил так много церквей, что теперь на святой земле всегда чувствовал себя не в своей тарелке, а зловещая тишина этого подземного лабиринта только усиливала его тревогу. Спереди из коридора долетало эхо голосов Коннигера и фон Хельца.

— Проникновение выявили всего несколько часов назад. Стража собора мгновенно перекрыла все выходы, но мы полагаем, что этот богохульник уже покинул церковные владения.

Коннигер понимающе хмыкнул. Не секрет, что церковные стены и крипты были пронизаны таким количеством тайных ходов, какое не снилось ни одному картографу. По выражению Коннигера, тот факт, что так много прежних верховных теогонистов распорядилось устроить так много тоннелей на случай побега, говорит о церковной политике несравненно больше, чем можно почерпнуть из любой официальной хроники.

Видо оценивающе оглядывал двери с тяжелыми засовами и большими висячими замками, которые одна за другой вырастали вокруг него по обеим сторонам коридора. Тянулись и тянулись они, куда хватало

глаз... И за каждой — сокровищницы, набитые церковными реликвиями и богатствами. В них лежало много старого хлама навроде древних, покрытых плесенью книг, гнилых мощей святых и героев, да какого-нибудь священного ночного горшка Хаймдала XIX, но там точно были и действительно стоящие вещицы. Видо был в этом уверен. Две тысячи лет священных войн и имперской политики не прошли даром — причем настолько, что у здесь до сих пор не было даже толковой описи.

«Преступление, да и только, — ворчал про себя Видо, — этому добру валяться здесь без дела. Жаль, я нынче исправившийся...»

Голос Коннигера вернул полурослика с небес на землю, напомнив тому, кто именно стал причиной его исправления.

— Видо! Не отвлекайся, будь добр. У нас хватает забот и без твоего пылкого интереса к хранению содержимого зигмаритских сокровищниц.

— Хозяин?

Видо поднял голову, встретившись с всезнающим взглядом Коннигера. Иногда казалось, что тот может читать мысли. «Наверное, очередной побочный эффект его проклятого порошка», — выругался полурослик про себя. Он заметил, что они пришли к концу коридора и остановились у входа просторную и хорошо освещенную комнату. У стен стояли ряды книжных шкафов с пыльными и все еще неполными описями содержимого тех запечатанных хранилищ. Еще больше таких же книг грудями лежали на письменных столах в центре комнаты; днем за ними трудились писцы, определяя подлинность и классифицируя внушительные церковные богатства. Один угол был целиком заставлен коробками и решетчатыми ящиками, и среди разного хлама Видо отчетливо разглядел блеск золота.

Не без труда, но ему удалось обратить свой взор к ожидающей их прибытия группе людей. Его глазам предстало разноцветие мантий и ряс целых иерархий духовных санов, а также блеск начищенных доспехов и оружия по меньшей мере дюжины стражников собора. Но внимание Видо приковал тот, кто стоял в самом центре: мрачная фигура в темном одеянии, морщинистое и древнее лицо которого говорило о том, что он, пожалуй, почти так же стар и иссушен, как многие вверенные ему сокровища.

— А, герр Коннигер, как хорошо, что вы снова с нами. — Голос главного архивиста выражал все, что угодно, только не то, что он сказал. — Я польщен тем, как быстро вы откликнулись на нашу просьбу. Однако, я удивлен, что вы сочли возможным снова ввести постороннее лицо в курс дел Церкви.

Главный архивист быстро окинул Видо взглядом, который тот мог описать лишь как «испепеляюще презрительный». Видо вытянулся во все свои почти три с половиной фута^[3], готовый постоять за соплеменников, но в тот момент самому себе он казался не крупнее тех гротескных гомункулов, которых Коннигер мариновал в банках с соленой водой и расставлял по шкафам у себя в кабинете.

Видо ощутил на плече ободряющую руку Коннигера, который шагнул вперед, чтобы принять первый за эту ночь вызов.

— Мой слуга, Видо. В свое время я убедился, что в таких расследованиях, как это, он бывает весьма полезен. Его присутствие — это одно из условий, на которых я согласился прибыть сюда.

Стоящие в разных концах комнаты Коннигер с главным архивистом сцепились взглядами, а у Видо всплыли в памяти истории об их интеллектуальном соперничестве, и о том, как этот старик однажды хотел сжечь Коннигера на костре по обвинению в ереси против зигмаритской веры. Главный архивист

первым отвел глаза, после чего отвернулся и, пренебрежительно махнув на Видо рукой, вычеркнул того из своего внимания.

— Как пожелаете, Коннигер. Я и забыл, каким настойчиво упрямым вы можете быть. Молю Зигмара, чтобы вы пустили в ход эти свои качества в решении сегодняшней задачи.

— Как и я, герр главный архивист. — ответил Коннигер, уважительно кивнув своему старому противнику. Теперь, расставив точки над «i», они вместе могли приступить к общему делу. — По пути сюда ваш посланник снабдил меня кое-какими подробностями. По его словам, были найдены убитыми два стражника, подозреваются, хоть и не подтверждено, что были похищены некие предметы, и что брат Воллен, переписчик послушник из архивов, пропал и считается подозреваемым. Что ж, я всегда полагал, что в любом деле с убийством всегда нужно начинать с трупа...

Видо уже видел мертвые тела, но смерть от удушения всегда вызвала у него легкую тошноту. Можете называть это старым воровским суеверием, но мертвые, синюшные лица двух стражников, вылезшие из орбит глаза и разбухшие и вывалившиеся из раззявленных ртов языки — не то зрелище, за разглядыванием которого он хотел бы проводить свое время.

«Я и сам ушел лишь чудом Рэналда», — подумал жилистый полурослик, уставившись на уродливые, лилово-черные борозды на горлах трупов и вспомнив ощущение от веревки палача на собственной шее в тот день на выставленной на всеобщее обозрение виселице на Кайзер-плац. Когда буквально за несколько секунд до того, как открылся люк в полу, Видо впервые услышал голос Заванта Коннигера, который, поднимаясь по ступеням виселицы, кричал палачу остановиться и размахивал указом Императора о приостановлении исполнения приговора.

— Видо, не отвлекайся. Ты же не слышал ни слова из того, что я сказал. Сколько раз мне повторять? Логические выводы и ведение записей — это фундамент любого полевого исследования. Прочти несколько последних заметок, которые я тебе надиктовал!

Видо мям в руках пергамент, в попытках разобрать нацарапанные пером значки проклятой стенографии, в свое время разработанной самим мудрецом, который также настоял на том, чтобы обучить ею слугу. Они находились подальше от главного коридора, в одном из пустых хранилищ, которое стало импровизированным моргом. Тела двух стражников разложили на деревянных столах, и Коннигер уже какое-то время с любопытством ощупывал и прокалывал их.

— Синюшность и зафиксированная температура тел совпадает с приблизительным временем кражи, — промямлил полурослик. — Двое погибших — простые стражники, находившиеся в то время на посту, на нижнем этаже архивов... Заключить, что они были убиты нападавшими, возможно хладнокровно, из необходимости, чтобы они не подняли тревогу во время совершения основного преступления. Досадно, что оба трупа были перенесены с места убийства... Важные вещественные улики, возможно, утрачены из-за дремучего невежества необразованных любителей...

— И? — рявкнул теряющих самообладание Коннигер.

— И пока это все, что вы сказали, поэтому только это я записал! — запротестовал Видо.

Хозяин свирепо уставился на него. Видо давно подозревал, что в богословских школах, одна из которых была расположена прямо над ними, юных адептов специально обучают такому взгляду. Наверняка, они называют его «Испепеляющим взглядом Зигмара». Первое оружие в магическом арсенале любого

молодого и амбициозного жреца!

— Итак, каковы твои выводы? — не уступал Коннигер. — Я начал за тебя, но остальные улики лежат прямо перед тобой. Что ты скажешь о непосредственной причине этих смертей?

— Что их задушили? — попытался ответить Видо, заранее внутренне сжимаясь в ожидании нападков на свой интеллект, которые, как он знал, вот-вот должны были последовать.

Откуда-то из глубины своей глотки Коннигер произвел раздраженно-нетерпеливый звук, который дома обычно служил предупреждением о том, что через кабинет сейчас в ярости бросят какой-нибудь тяжелый предмет.

— Зигмар, убереги нас от полуросликов и полоумных, что, в сущности, одно и то же! Я вижу, что их удушили. Даже мясники, «руки-крюки», из Колледжа хирургии увидели бы, что их удушили. Посмотри на рисунок странгуляционной борозды. Посмотри, как раны были нанесены на горле. Обрати внимание на то, как были раздавлены гортань и кадык. Погляди на все это и назови конкретную причину их смерти!

Стараясь перебороть легкую тошноту, Видо наклонился над ближайшим телом. Немногим позже он поднял глаза и встретил выжидающее лицо хозяина.

— Обоих со знанием дела удавили гарротой^[4]?

Коннигер улыбнулся, довольный, что его уроки логического мышления были проведены не зря.

— В точку. Два охранника, удушенных гарротой — причем, должен заметить, в весьма своеобразной манере — и похищение предмета материальной культуры далекой Аравии. Ну же, Видо, давай отправимся на поиски последних кусочков этой головоломки и узнаем, были ли верны наши догадки.

Полурослик засеменил за хозяином, который широко и властно зашагал к выходу из хранилища. «Кусочки головоломки... Узнаем, верны ли наши подозрения, — повторил про себя Видо. — В этом весь он. Может, он и знает, о чем говорит, но я — в том же неведении, в каком был, когда мы прибыли сюда.

Снаружи, в большой зале главный архивист со стражниками и помощниками ждали, когда Коннигер сообщит им о своих находках.

— Герр главный архивист! — В помещении с высоким сводчатым потолком эхо от голоса сыщика разлетелось неожиданно громко. — Чрезвычайно важно, чтобы я взглянул на перечень предметов, с которыми работал ваш пропавший переписчик перед исчезновением!

Услыхав тон Коннигера, старый священник чуть не задохнулся от негодования, а один из послушников у него за спиной ахнул от удивления. Судя по всему, главный архивист не привык получать приказы ни от кого саном ниже верховного теогониста. Он помолчал, дав стихнуть последним обрывкам эха, оскорбившего его духовное звание, после чего ответил голосом, в котором почти не осталось и следа былой значительности:

— Фон Хельц, опишь, будьте любезны.

Коннигер практически вырвал томик в кожаном переплете из рук посланника и принялся торопливо перелистывать страницы, водя длинным, тощим пальцем по снабженным иллюстрациями записям и то и дело бормоча себе под нос.

— Запечатанный саркофаг... Нет. Трон с золотым черепом... Нет. Набор серебряных посмертных масок... Нет. Золотая статуэтка сокола? Точно, нет...

Стоя у него за спиной, Видо напряженно ерзал. Он прекрасно знал, что поведение хозяина порой могло быть немного эксцентричным, и раздумывал, насколько выходки Коннигера упрочат его репутацию местного полоумного мистика.

— Один крупный, неукрашенный глиняный кувшин, запечатанный воском, с нанесенным на нем изображением неизвестного языческого иероглифа... Ха! Я так и знал!

Победно взмахнув рукой, Коннигер захлопнул книгу и стал трясти ею перед носом главного архивиста.

— Клянусь Зигмаром, старина! Как вы не распознали его? Ни один из вас не догадался, какой предмет нечаянно попал вам на хранение? Мы с вами находимся в месте, которое по праву может называться одним из крупнейших хранилищ научного знания, но распознать истинную природу этого артефакта смог лишь какой-то скромный переписчик послушник!

Главный архивист вытянулся во весь рост и возмущенно и спесиво уставился на Коннигера.

— В мои обязанности входит накопление знаний, касающихся величия Зигмара, Империи и деяний тех, кто исправно им служит. Разбираться в делах аравийских дикарей я оставляю послушникам и глупцам.

— Ах, да, — произнес Коннигер, будто размышлял вслух, задумчиво разглядывая собрание распакованных аравийских экспонатов, разложенных в другой половине комнаты. — Наш пропавший брат, единственный неучтенный пока кусочек головоломки. Интересно, что случилось с братом Волленом?

Собравшиеся в комнате во все глаза следили за тем, как Коннигер расхаживал между сокровищами, рассеянно притрагиваясь к золотым и инкрустированным драгоценными камнями поверхностям вокруг и продолжая свои рассуждения.

— Весьма перспективный ученый-аравист, насколько я помню. Он писал мне несколько раз, прося совета касательно подробностей одной особенно запутанной главы истории Аравии. — Отвернувшись, Видо заметил, как вздрогнул главный архивист, услышав это замечание: судя по всему, переписка юных и впечатлительных адептов с теологически неблагонадежными персонами, вроде Коннигера, здесь не поощрялась. — Я охотно дал ему кое-какие ориентиры, однако остался озабочен несколько темной тональностью, которую стали приобретать его исследования. Я писал ему о своем беспокойстве, но больше ничего от него ничего не слышал. Тогда я, увы, не придавал этому значения — я переписываюсь со многими собратьями-учеными по самым разным вопросам — удели я своему беспокойству больше внимания, все, что здесь произошло, можно было бы предотвратить.

С этими словами Коннигер наклонился к полу, чтобы рассмотреть плиты. Он обнаружил что-то и, утвердительно кивнув, поманил рукой своего слугу.

— Видо, будь любезен, твое мнение по поводу вот этих отметин. Твой глаз острее.

Полурослик ни на грош не поверил ему, ведь, для человека, восприятие Коннигера было необычайно развито, однако же поспешил занять место рядом с хозяином. Он нагнулся, чтобы изучить указанный участок, и заметил на пыльном полу бороздки двух едва видных полос. В свое время Видо достаточно поучаствовал в разных темных делах, так что сразу их узнал.

— Следы волочения, — уверенно заявил он, взглянув вверх на Коннигера. — Здесь по полу тащили тело,

и, кстати, не так давно.

Коннигер утвердительно кивнул Видо и стал медленно шагать по зале, следуя за почти невидимыми отметинами. Главный архивист вместе со свитой стражников и помощников почти машинально двинулся следом, словно он был зачарован той тайной, которую Коннигер открывал перед ним.

— Так что же нам следует предположить? Что брат Воллен, молодой начинающий ученый, а отнюдь не искусный убийца, сумел одолеть и задушить гарротой двух бывалых стражников? После чего похитил хранившиеся здесь ценные артефакты аравийской культуры и выбрался по одному из многочисленных тайных ходов, которыми испещрены эти стены?

— У вас есть теория получше, герр Коннигер? — фыркнул главный архивист. — Факты говорят сами за себя. Вас пригласили сюда (противу моих яростных увещаний, должен добавить), чтобы помочь Церкви схватить виновника и вернуть украденное, а не повторять то, что и так ясно всем присутствующим!

Петляя по лабиринту нераспакованных артефактов и так и неоткрытых ящиков вслед за отметинами, Коннигер ни разу не поднял взгляда от напольных плит, чтобы ни в коем случае не отвлечься. На критику своего старого недруга он ответил так:

— Позволим фактам говорить самим за себя, значит? Прекрасно, тогда именно так мы и поступим. Если Воллен не убивал тех двух стражников (а теперь я могу утверждать, что это — факт), значит, это сделал кто-то другой. Те самые неизвестные сообщники, которых юноша, хорошо осведомленный о секретах Церкви, смог тайком провести в здание по сети тоннелей.

Коннигер остановился, либо чтобы проверить, что не потерял след, либо, чтобы убедиться, что слушатели все так же жадно впитывают каждое его слово. Затем он зашагал снова, на этот раз быстрее, словно приближался к концу следов на полу, равно как и к окончанию спора.

— У меня нет сомнений в том, что вы уже сверились с описью и обнаружили, что наиболее ценные экспонаты, которые легко было бы вынести, на месте. Пройтись по всему списку и проверить остальное займет несколько дней, но я утверждаю, что вы увидите, что пропал только один: тот самый *крупный, неукрашенный глиняный кувшин, запечатанный воском, с нанесенным на нем изображением неизвестного языческого иероглифа*. И это факт. Заурядная вещица, дешевая, по всей видимости, особенно в сравнении с прочими лежащими здесь сокровищами. Итак, факты оставляют без ответа три вопроса: почему была похищена только эта вещь, кто был сообщником Воллена, и где теперь сам брат Воллен.

Коннигер внезапно остановился, замерев перед блестящей громадой золотого саркофага, стоявшего вертикально возле дальней стены. Он был изукрашен в обычном для Аравии затейливом стиле, и его золотистое сияние как будто освещало все помещение. Коннигер уставился на него в глубокой задумчивости, а посмертная маска какого-то давно почившего аравийского царя, вырезанная на откидной крышке, устрашающе глядела на него в ответ.

— Видо, будь добр, подойди на минуту и скажи, что ты здесь видишь.

Взволнованно шаркая ногами, тот подошел к хозяину. Видо был не против постоять рядом с такой горой золота, но он слышал много самых разных жутких историй об этих аравийских саркофагах и отвратительных вещах, которые порой в них лежали.

— Твоя тревога понятна, — заметил Коннигер, вновь со сверхъестественной проницательностью угадав

мысли Видо, — но в данном случае тебе нечего опасаться. Что бы изначально ни было здесь упокоено, мертвое или нет, давным-давно предано огню нашими благородными бретонскими союзниками в процессе «освобождения» этого имущества в их пользу во время крестовых походов. Вновь надежно запечатанный саркофаг должен был стать забавным предметом интерьера в роскошном поместье какого-нибудь бретонского феодала. А теперь, будь добр, выскажись.

Видо провел рукой по инкрустированной крышке саркофага. Старый вор внутри него успел восхититься тонкой работой по золочению и теперь прикидывал в уме, сколько за такой предмет можно выручить на открытом рынке. В то же время недавно обретенный сыщик в нем искал подсказку, которую Коннигер, конечно, уже нашел и, вероятно, пытался навести Видо на мысль, что саркофаг...

— Открыт! — выкрикнул полурослик, сообразив внезапно, на что намекал хозяин. — Печать на крышке сломана, а когда вы недавно читали опись, в ней было указано, что печати на всех саркофагах в полном порядке!

— В точку, — откликнулся Коннигер, распахнув откидную крышку. Видо едва успел увернуться от трупа с вытянутыми руками, который выпал из раскрывшегося гроба. Коннигер же нагнулся и привычным движением перевернул тело. Им оказался молодой человек, одетый в простую рясу послушника, с выбритой на голове тонзурой в брутальном стиле, принятом у адептов Церкви Зигмара. Лицо было раздутым и синюшным, убившая его струна гарроты до сих пор глубоко засела у него в горле. Коннигер спокойно поднял глаза, отметив бледные лица главного архивиста и его свиты.

— Раз уж я никогда не встречал того молодого человека, о котором мы говорили, не составит ли труда кому-нибудь из вас, господа, подтвердить, действительно ли это бранные останки пропавшего брата Воллена.

— Это было вообще не смешно, — плакался Видо, в очередной раз хорошенько приложившись к плоской фляжке Коннигера в надежде, что крепкий бретонский бренди поможет стереть из памяти труп с разбухшим лицом, выпавший на него из саркофага. — А вы так и не объяснили, о чем сыр-бор.

Коннигер сидел рядом в роскошном мягком экипаже и глядел в окно. Они неслись на головокружительной скорости по пустым и темным улицам предрассветного Альтдорфа. После того, как был обнаружен брат Воллен, все происходило так быстро, что Видо (даже, учитывая, что его хозяин прекрасно разбирался в спиртном) едва поспешал за последовавшей за этим чередой событий.

В памяти всплыло выражение лица главного архивиста: старик был так потрясен, что едва мог возразить, когда Коннигер принялся раздавать приказы и потребовал себе персональный экипаж с отрядом стражи собора. Еще припомнил беготню по коридорам архивов и представший перед ними во дворе экипаж. Коннигер лишь рывкнул кучеру в ливрее: «К речным докам, поживее!» И вот, они почти добрались, и чем ближе подъезжали к причалам, тем гуще становился пробирающий до костей речной туман. Снаружи доносился стук лошадиных подков по скользкой брусчатке — стражники из их свиты скакали рядом с экипажем.

— Аравия, — произнес Коннигер вместо ответа на вопрос, не переставая вглядываться в мглистый сумрак. Видо показалось, что через туман уже проглядывается первый рассветный румянец. — Как я уже говорил, все в этом деле возвращает нас к Аравии. Мне следовало осознать назревающую угрозу еще, когда этот молодой глупец Воллен впервые написал мне, прося о помощи с расшифровкой одного примечательного аравийского иероглифа. — Пока он говорил, его палец быстро черкал линии на

запотевшем стекле кривого окошка экипажа. Видо подался вперед через сидение, но не увидел ничего кроме бессмысленной путаницы пересекающихся линий и завитушек.

— Я слукавил, сказав, что не могу помочь, и посоветовал ему бросить это дело и выбрать другой, более перспективный объект исследования. Если бы я обдумал это более тщательно, я бы понял, что он уже догадался о его значении и просто искал подтверждения своему загадочному открытию. — Коннигер внезапно провел рукой по стеклу, стерев следы начерченного им символа.

— Этот иероглиф тот же, что и на печати пропавшего глиняного сосуда? — рискнул предположить Видо.

— Именно, — ответил Коннигер. — Это один из могущественнейших символов аравийской магии, нанесенный нее сотни лет назад, чтобы удержать заключенного внутри кувшина пустынного демона.

Полурослик закашлялся, разбрызгав полный рот хорошего бренди. «Древняя аравийская магия... Плененные демоны пустыни... Во что хозяин втянул нас на этот раз?»

— Как только я увидел раны от гарроты на горлах мертвых стражников, я сразу понял, с кем мы имеем дело, — спокойно продолжил Коннигер. — Насколько мне известно, такие убийства характерны для членов лишь одной банды, и только одна вещь могла выманить их из их пустынных гнезд так далеко на север.

Видо сделал еще один добрый глоток из плоской фляжки, точно зная, что бы хозяин ни сказал, это не придется ему по вкусу.

— Видо, полагаю, ты никогда не слышал о Секте Ишмаила? За пределами Аравии она известна немногим. Они поклонялись нечистым богам Хаоса, и демоны свободно расхаживали меж ними в человеческом обличье. С их влиянием было покончено за много веков до прибытия бретонских крестоносцев после того, как армия объединенных аравийских племен осадила их горную крепость.

В итоге твердыня пала, а тайное общество чародеев одержало верх над стоящими во главе секты демонами. Тех существ нельзя было уничтожить, и вместо этого их заточили в волшебные сосуды, которые затем были тщательно спрятаны в разных концах Аравии. Однако остатки этой секты дожили до наших дней и посвятили себя розыску этих магических узилищ и освобождению заключенных внутри демонов.

Видо помолчал, пытаясь все осмыслить.

— Выходит, глиняный кувшин из архивов и есть один их тех, э-э-м, предметов. Какой-то бретонский рыцарь прикарманил его во время крестовых походов, и в конце концов никем не опознанный он очутился здесь?

Коннигер выжидающе посмотрел на слугу, предлагая тому логически перейти к следующему звену в цепи событий. И в глазах полурослика внезапно забрезжило понимание.

— Воллен! Воллен, скорее всего, распознал его и дал знать этим полоумным о своей находке и ее местоположении. Но, око Рэналда, зачем ему это понадобилось?

Коннигер откинулся на сиденье, устало потирая глаза, и принял протянутую Видо фляжку.

— Из-за золота, надо полагать. Он показался мне амбициозным человеком, который не стал бы довольствоваться местом простого переписчика.

Нет, он мечтал о жизни ученого, великого мудреца, но таким всегда нужны книги и дорогие библиотеки, нужна свобода, чтобы продолжать свою работу, не беспокоясь о том, откуда взять очередной кошелек золотых. После того, как Воллен снабдил ишмаилитов информацией об одном из тайных проходов в архивы, он, должно быть, полагал, что дело ограничится банальной кражей. Думаю, когда он увидел, как стражу душат гарротами, он начал запоздало соображать, как сложится его собственная судьба.

Коннигер выпил последнее из фляги и машинально засунул ее в один из многочисленных внутренних карманов своего свободного кислевского плаща.

— Увы, как ему пришлось узнать на собственной шкуре, тому, кто собрался отужинать со слугами Хаоса, следует прихватить ложку подлиннее^[5].

Видо был еще озадачен последним комментарием («коннигеризмом», как он их называл), когда услышал отчетливое громыхание колес экипажа, кативших теперь по толстым деревянным доскам. «Мост, — сообразил он. — Пересекаем реку. Значит мы совсем рядом с...»

— С доками! — неожиданно выпалил он. — Вы не рассказали, зачем мы едем к докам!

Прежде чем ответить, Коннигер улыбнулся.

— Ты же знаешь, что я с большим интересом изучаю прибытие и отбытие речного транспорта на Рейке. В таком месте как Альтдорф полезно бывает знать, кто или что приезжает в город и покидает его. О чем и говорить, если пару дней назад я отметил прибытие аравийской торговой каравеллы и счел необычным, что столь экзотическое судно — редкая птичка даже для мариенбургского порта — оказалась так далеко вверх по реке.

— Значит, воры... — перебил его Видо.

— Уже благополучно вернулись на борт со своей добычей и готовятся бежать из города. — Коннигер кивнул. — В ночные часы речные ворота, которые защищают гавань, закрыты. Чтобы совершить задуманное, им пришлось дожидаться первых лучей солнца.

Видо выглянул из окна и заметил выражение лица стражника у въезда в гавань, перепугавшегося, когда мимо него прогрохотал экипаж с гербом Церкви Зигмара в сопровождении целого конного отряда. Вдали Видо разглядел саму гавань, ряды речных барж, выжидающе замерших возле погрузочных причалов, и примечательную дымовую трубу одного из новеньких речных пароходов, на котором разводили пары, готовясь к раннему отплытию.

И там же он увидел, вырисовывающийся в восходящем солнце, силуэт незнакомого судна, которое прямо сейчас плавно отходило от причала и направлялось к открытым речным воротам.

Видо запаниковал от неожиданности, когда ощутил, что дверь перед ним распахнулась, а сам он чуть не вывалился из экипажа. В ту же секунду он почувствовал, как Коннигер схватил его за загривок и решительно втащил обратно, а сам одновременно с этим высунулся из двери и обратился к всаднику, ведущему отряд.

— Герр капитан! Речные ворота! Заприте их и перекройте вход в гавань!

Офицер на ходу поднял закованный в броню кулак в знак того, что понял приказ, и повел солдат к будке с механизмами, которые поднимали и опускали речные ворота. От рук этих воров и убийц погибли двое из его людей, поэтому Видо не сомневался в решимости капитана предотвратить их бегство.

— Этого хватит, чтобы не дать судну уйти? — с тревогой спросил полурослик, заметив, что Коннигер все еще стоит в открытой двери несущегося экипажа, не разжав хватки на воротнике плаща своего слуги.

— Сомневаюсь. Чтобы снова запустить механизм, закрывающий ворота, понадобится несколько минут, и к этому времени аравийское судно уже покинет гавань.

«О, нет, вот оно, — подумал Видо.»

Полурослик ощутил, что кулак Коннигера на его воротнике сжался крепче, и закрыл глаза, предчувствуя, что произойдет дальше.

— Нам нужно пробраться на судно и задержать его, — заявил Коннигер таким тоном, будто сообщал о своих планах посетить ближайшую пивную.

И в следующее мгновение они падали, выскочив на ходу из экипажа, с грохотом несущегося по пристани. Видо зажмурился изо всех сил, рисуя в уме предметы с твердыми и острыми краями, которыми обычно были уставлены все гавани, что он видел. Затем у него перехватило дыхание — они приземлились на вершину большой кучи мешков с зерном. Знал ли Коннигер, что она там, прежде чем прыгать, полурослик так и не выяснил, потому что они, вскочив на ноги, уже бежали по одному из деревянных пирсов. Впереди он разглядел все еще медлительных ото сна матросов с одной из речных барж, грузящих бочки в трюм, а сразу за ними — изящные формы аравийского корабля, плавно появляющегося в поле зрения.

— Живее! — завопил Коннигер. Он удвоил шаг и, буквально взяв своего слугу на руки, понес его по пирсу.

Матросы баржи во все глаза таращились на внезапно появившееся перед ними привидение: самого выдающегося ученого и мудреца Империи с развевающимся за спиной плащом и свисающим с руки полуросликом, выпрыгнувшего из клубов утренней дымки прямо к ним на борт. Не сбавляя шаг, Коннигер пробежал по палубе, выхватил багор из рук оторопевшего барочника и воспользовался им как шестом, чтобы перемахнуть через другой борт баржи.

Он уверенно приземлился на ноги на палубе сбавившей ход каравеллы, когда та проходила возле пришвартованной баржи. От толчка Видо вывалился из рук хозяина и с изяществом прирожденного вора-форточника сделал кувырок, смягчив удар от падения. После этого он сразу вскочил на ноги и стал настороженно оглядываться по сторонам, одновременно вытащив два ножа, которыми удобно было разрезать чужие карманы, и которые он всегда прятал у себя под дублетом^[6].

«Привычка — вторая натура, — мрачно подумал он. — Теперь-то мы увидим, стоило ли ломать шею дважды за последние полминуты.»

Как только буквально каждый аравийский матрос на палубе полез в драку, вопрос, очутились ли они на нужном корабле, превратился в чисто академический. Коннигер со знанием дела принялся размахивать багром, будто это был боевой шест. Он использовал необычный, но весьма эффективный, стиль боя, которому, как утверждал сыщик, он научился у одного заезжего мудреца из овейного легендами Китая. Так это или нет, Видо не знал, зато ему было хорошо известно, что, если хотел, Коннигер умел мастерски расшибать черепа вместе со всем их содержимым. Оружие в его руках превратилось в размытое пятно, оно парировало удары сабель, кололо в уязвимые точки и тяжело врезалось в обмотанные тюрбанами головы. Аравийская команда отступила, оставив троих лежать без движения на

палубе у ног Коннигера.

Крадучись сбоку никем не замеченный (навык, который он оттачивал годами), Видо увидел фигуру в темном, свешивающуюся с каната над головой Коннигера. Лицо незнакомца было укрыто той же черной маской, какую носили многие из матросов, и, когда тот разогнулся над намеченной жертвой, Видо увидел, как у него в руках блеснула острая, как лезвие, нить гарроты. Пару мгновений спустя, убийца свалился с каната, а один из идеально сбалансированных метательных ножей Видо по рукоять засел у него в горле.

— Что ты делаешь, мотский кретин?! — Коннигер отреагировал криком. — Сражаюсь я, а ты должен был найти способ задержать эту чертовую посудину!

Видо выругался, обнаружив, что восклицание Коннигера предупредило о его присутствии почти всех на корабле. Один из матросов повернулся и побежал прямо на него. Видо не мог не отметить обилие татуировок извивающихся щупалец, покрывающих большую часть поверхности тела культиста Хаоса, однако, в целом, его внимание было приковано к кровожадному выражению лица этого человека и его тяжелой сабле. Полурослик пригнулся под размашистым ударом и кувыркнулся между ног культиста, в то же самое время ударив вверх одним из оставшихся ножей. Громкий, но ласкающий слух крик указал на то, что нападавший теперь может пробоваться на должность смотрителя гарема при дворе одного из тех сказочно богатых аравийских султанов, о которых Видо столько слышал.

«Что теперь? — спросил себя Видо, откатившись подальше от падающего тела культиста и обнаружив себя на заостренном носу корабля. — Я полурослик. Я принадлежу к народу с глубокой и благородной традицией держаться подальше от обширных, открытых участков воды. Что я вообще знаю о кораблях?»

Он на секунду затормозил и опрокинул ногой бочку навстречу очередной группке культистов, бегущих к нему по палубе.

Пока Видо наблюдал, как матросы налетают на нее, поскользываются и падают в расплывающуюся луже нефти и дегтя, который выливался из катящейся бочки, в его голове раздавался голос, подозрительно похожий на голос Коннигера.

«Подумай, Видо, — говорил он. — У кораблей есть такие большие штуки — паруса — с их помощью они двигаются, когда дует ветер, и длинные весла, когда нет. Так, как же нам с их помощью остановить корабль?»

Один из культистов перепрыгнул растекающуюся лужу нефти и набросился на Видо с гарротой, обмотанной вокруг кулаков. Видо же ловко шагнул в сторону, сделав нападавшему подножку своей волосатой ступней. Убийца полетел вперед и врезался лицом в обмотанный канатом кабестан^[7] у борта, от чего тот начал стремительно крутиться. До Видо донесся зловеющий всплеск, вызванный чем-то тяжелым, выпавшим из носа корабля, за которым тотчас же последовал вскрик культиста, который запутался в разматывающемся канате и был выброшен за борт.

— Bravo, Видо! — раздался громкий возглас Коннигера. — Даже если им удастся снова поднять якорь, выйти из гавани они уже не успеют!

Хоть полурослик и не догадывался, о чем говорил Коннигер, похвала хозяина отвлекла его настолько, что он чуть не проглядел что-то горящее, вонзившееся в палубу в нескольких футах от него. Он понял, что это стрела. Какие-то горячие головы из стражи собора целили в парус, пытаясь поджечь его. На глазах Видо огонь от наконечника стрелы перекинулся на лужу разлитого дегтя и нефти, мгновенно

породив дорожку дрожащего пламени, которое устремилось через всю палубу назад, к...

— Хозяин! Берегитесь! — выкрикнул Видо, перепрыгнув через огонь в тот самый момент, как тот добрался до штабеля бочек рядом с тем местом, где он только что стоял. Он кувыркнулся через культивистов, взявших Коннгиера в кольцо, и врезался в сыщика, будто пушечное ядро, выбив из-под него ноги.

— Видо, что, во имя Морра, что ты себе... — только и успел выговорить взбешенный мудрец перед тем, как на носу корабля вырос ревуший шар пламени. Полурослик прижал Коннгиера к палубе, а над ними пронеслась огненная волна жара. Один из аравийских культивистов, объятый пламенем с ног до головы, нетвердо прошел рядом, вопя и размахивая руками в горящем вокруг него воздухе. Повсюду начали сыпаться горящие комочки нефти и мазута, поджигая остальную корабль и с бульканьем и шипением падая в воды гавани.

Видо ощутил, как палуба под ним накренилась; развороченный нос корабля уходил под воду. «Что ж, хотя бы вода погасит огонь, — утешал он себя.» В тот же момент громкий трескающийся звук оповестил его, что прямо на них валится горящая мачта вместе с парусами.

Видо схватил Коннгиера и поволок его по палубе к борту. Тот отмахнулся от него и, указав на открытую крышку люка, ведущего в трюм, крикнул:

— Кувшин с демоном! Он где-то там! Мы должны забрать его! Нужно проследить, чтобы его поместили в надежное место. Там, где ишмаилиты не найдут его снова!

Видо в недоумении уставился на хозяина, отметив, что Коннигер совершенно не замечал, что его плащ уже загорелся из-за падающего на них града горячей нефти. Полурослик глянул на ведущий в трюм люк, из которого уже начали выпрыгивать языки пламени, затем — на нависающую над ними горящую мачту.

Быстро прикинув шансы между двумя разными способами верной гибели и слабой вероятностью долгой и счастливой жизни, Видо решил действовать. Он крепко вцепился в хозяина и с силой выпихнул того с борта корабля. Видо оказался в воде, удар сердца спустя; сверху его окатило дождем из угольков, похожих на жуков-светлячков, который подняла в воздух горящая мачта, рухнувшая вместе с такелажом и пробившая настил палубы.

Как только Видо сделал первый глоток воды, он вспомнил весьма важный факт, который до этого момента тщательно блокировало его подсознание.

Полурослики не умеют плавать!

— Бу-э-э! — Видо перегнулся через борт шлюпки и, выблевав очередную порцию вонючей воды, пообещал себе затеять драку в следующий же раз, как только услышит, что какой-нибудь пьяный речник в пивной затянет одну из своих песен о чистых и прозрачных водах могучего Рейка.

Коннигер, в свою очередь, сидел на корме шлюпки, на которой стражники отправились их спасать, и тоскливо глядел на горящие обломки каравеллы.

— Может быть, еще не все потеряно. — Это были его первые слова после того, как их вытащили из воды. — У входа в гавань не так глубоко. Может, обломки вместе с грузом получится поднять на поверхность.

Один их гребцов поднял на него глаза и отрицательно покачал головой.

— Очень сомнительно в это время года, господин. Из-за весенних талых вод река вздулась, того и гляди лопнет, а еще подводные течения, которые из-под ворот выходят прям в гавань и выметают все, что на дне лежит. Чего бы вы не хотели выловить, уплыло уже, а что попало старому Папаше Рейку, он не отдаст, пока не вынесет через Мариенбург прямехонько в море. Нет, господин, ни вы, ни кто другой, тот груз больше не найдете.

Выкашляв остатки речной воды, Видо поднял голову и заметил внезапное прозрение у Коннигера в глазах.

— «Чтобы его поместили в надежное место», говорите? — промурлыкал полурослик.

— «Там, где ишмаилиты не найдут его снова», — отозвался Коннигер.

Гребцы продолжали править лодку к берегу, недоумевая, отчего оба их пассажира, избитые, обожженные и наглотавшиеся воды, внезапно разразились громким смехом.

Кровавая луна над Альтдорфом

Кровавая луна над Альтдорфом (пер. AN_XI)

The Politics of Shadow or The Case of the Tilean Widow

The Horror at Alt Krantzstein or The Case of the Twisted Man

Epilogue

The Reikerbahn Butcher or The Case of the Scarlett Cell

1. Пастораль (фр. *pastorale*) — произведение искусства или его часть, идиллически изображающие сцены сельской или пастушеской жизни (Здесь и далее — прим. пер.)
2. Эмерит (лат. *emeritus* — заслуженный, отслуживший) — заслуженный деятель в отставке (о профессоре)
3. 106,68 см
4. Гаррота (исп. *garrote*) — род удавки из прочного шнура с прикрепленными к его концам ручками
5. Вариация одной известной английской поговорки про черта и длинную ложку. Предлагаем читателю вместе с Видо самим поразмыслить над этим коннигеризмом
6. Дублет (фр. *doublet*) — узкая одежда типа куртки из белого полотна или шерстяной ткани на подкладке, носилась поверх рубашки
7. Кабестан (фр. *cabestan*) — вертикальный ворот на судах, на который навивается якорный канат

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Завант_Коннигер._Неоконченное_/_The_Incomplete_Zavant_Konniger_\(сборник\)&oldid=24543](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Завант_Коннигер._Неоконченное_/_The_Incomplete_Zavant_Konniger_(сборник)&oldid=24543)

Эта страница в последний раз была отредактирована 6 марта 2024 в 07:45.